

1.5. СОЦІОЛІНГВІСТИЧНІ АСПЕКТИ, ВЗАЄМОДІЯ ТА КОНТАКТУВАННЯ МОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО- ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Юрій ДОРОФЕЕВ (Симферополь, Україна)

У статті на прикладі змін у сучасній російській мові розглядаються процеси взаємодії мов, доводиться функціональна і прагматична цілеспрямованість цих процесів.

This article is devoted to a problem of description and research of interaction processes of languages from a position of communication requirements of speaker.

Епоха глобалізації змушує лінгвістів по-новому побачити і оцінити таку проблему як розвиток мовної системи. Це розвиток пов'язаний з певними перетвореннями, які йдуть неперервно і «представляють собою «самонастроювання» мови в відповідь на зміни во зовнішньому світі» [7: 270]. Як зауважує Е.Косеріу, «розвиток мови – це не постійне «змінення», довільне і випадкове, а постійна систематизація» [6: 196]. Змінюваність ж мови пов'язана з тим, що «процес розвитку мови представляє накопичення людського досвіду, знання і вміння, а отже, і розвиток гносеологічного образу» [5: 18]. Таким чином, для сучасних лінгвістів ясно, що перетворення мовної системи неминучі, але завжди умовлені прагматично: «Мова починає, розвиває і підводить підсумок предметної і знакової діяльності. Як показує світовий досвід сучасності і історія світової культури, вдале пристосування мовних відносин і успішні мовні дії забезпечують всі форми життя суспільства і, зокрема, економічне життя суспільства» [8: 176].

Процеси перетворення і розвитку мови відбуваються в різних умовах, одним з яких є взаємодія мов, їх вплив один на одного. Саме сьогодні стає ясно, що взаємодія мов є таким же закономірним і необхідним процесом, як змінюваність і варіативність мови. Мовна взаємодія сьогодні не можна зводити до запозичень і різних типів інтерференції, оскільки таке трактування процесів взаємодія мов є одностороннім: «Лексическі запозичення з сусідніх і далеких мов є в будь-якій мові, хоча і в різній мірі. Разом з тим запозичення слів – це тільки невелика і помітна частина взаємодія мов» [7: 108].

Ключове значення для дослідження цієї проблеми має питання, чи багатіть мови в процесі взаємодія або, навпаки, цей процес перешкоджає їх вільному розвитку? Саме від того, як ми оцінюємо взаємодія мов, залежить рішення таких, пов'язаних з цим процесом питань: які відносини між національними варіантами таких мов як англійська, іспанська, французька; які механізми утворення і закріплення в мові неологізмів, окказіоналізмів і запозичень; наскільки закономірні інновації в мовній діяльності і чи варто перешкоджати їх проникненню в мову; чи може мову піддаватися негативному впливу, регресувати; яке вплив викликає взаємодія мов на розвиток окремих мов.

В зв'язі з усім сказаним метою нашої роботи є визначити особливості взаємодія мов на сучасному етапі.

Відбування цієї мети передбачає рішення наступних завдань:

- визначити умови, які забезпечують взаємодія мов;
- встановити закономірності взаємодія мов;
- на прикладі взаємодія російської і української мов продемонструвати особливості взаємодія мов.

Проблема взаємодія мов традиційно розглядалась в термінах, що відображають ступінь впливу однієї мови на іншу: субстрат (мова, яку виявилось

вытесненным из употребления другим языком, но оставил более или менее отчетливые следы в вытеснившем его языке [11: 220]), суперстрат (язык, который пытался, но не смог вытеснить другой язык, но оставил в последнем более или менее отчетливые следы [11: 221-222]), адстрат (результат взаимного влияния языков в процессе длительных исторических контактов отдельных народов [11: 19]). Как следствие подобных разновидностей взаимодействия языков рассматривались конвергентные и дивергентные процессы. Однако при таком подходе взаимовлияние языков исследуется преимущественно в структурном плане, в отрыве от носителя языка, и, соответственно, под взаимодействием начинают понимать различные типы соотношений между разными языковыми системами.

Необходимость изменения такого представления о языковом взаимодействии явно назрела: лингвистика будущего должна сосредоточиться на процессах языкового партнерства, процессах совершенствования языка в результате взаимодействия с другими языками [10: 7]. Результатом такого взаимодействия будут заимствования языками друг у друга наиболее удачных номинаций и конструкций: «И это взаимодействие объективно, реально и неотвратимо. Оно является важнейшим ресурсом развития языка, его совершенствования, его жизнеспособности. Язык велик не потому, что он способен отторгать все чужое. Язык, равно как и народ, носитель языка, велик потому, что он, не утрачивая собственной идентичности, способен интегрировать все самое продуктивное, что есть в языках-партнерах» [10: 8]. Поэтому «Многочисленность заимствований – отнюдь не признак «слабости» языка, а скорее, открытости, восприимчивости культуры народа к чужому новому» [7: 112].

Более того, по мнению А.Н. Рудякова, «все существующие на Земле естественные языки участвуют в некоем глобальном состязании, победитель которого станет тем языком, на котором будут говорить земляне в далеком будущем. Точнее сказать, победители, потому что, по моему глубочайшему убеждению, таких языков будет не один, а несколько ... Это состязание существует объективно, и все языки вольно или невольно принимают в нем участие» [9: 7-8].

Итак, развитие языка во многом зависит от влияния на него других языков. Как представляется, каждый отдельно взятый язык не может развиваться в изоляции от различного рода внешних воздействий: например, английский язык в свое время испытал мощное влияние старофранцузского языка, в результате чего лексический состав английского языка более чем на половину состоит из заимствований; русский язык в разные периоды своего развития также подвергался значительному влиянию многих языков: немецкого, французского, английского и др. Поэтому в системе любого языка наблюдаются «следы» языковых контактов, причем далеко не всегда с родственными языками.

Результаты языковых контактов неоднородны: в одних случаях они ограничиваются заимствованиями, в других приводят к интерференции и, как следствие, к формированию некоторого среднего подязыка (койне, пиджины, креольские языки), в третьих – к языковой ассимиляции, в четвертых – к полилингвизму. Эти явления по-разному оцениваются лингвистами, и, соответственно, в разной степени исследованы. Так, интерференцию рассматривают как нарушение норм литературного языка. Заимствования могут рассматриваться как с точки зрения того, насколько они расширяют возможности языка, так и с позиции его «засорения». Однако, несмотря на разные подходы к этой проблеме, исследователи согласны, что изучение языковых контактов и их результатов позволяет выявить не только особенности строения языковой системы, но и особенности коммуникативной реализации языка, степень его участия в жизни человека. Поэтому одной из актуальных задач лингвистики является установление границ «языковых миров» и описание многообразных отношений между языками-соседями, которые, как представляется, могут варьироваться от конфронтации до интеграции.

Языковые контакты представляют собой длительный и сложный процесс, который обычно связывают с развитием общества. Поэтому степень взаимовлияния языков, как правило, ставится в зависимость от культурных, экономических, политических и других контактов, которые традиционно рассматриваются как предшествующие по отношению к контактам языковым: «Изменения в собственно культурной сфере воплощаются в языке, а языковые эволюции активно участвуют в культурных процессах и влияют на них» [1: 3]. Однако при этом по сути игнорируется тот факт, что «ни на одном этапе своего становления

или развития язык не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создает, следовательно, своей собственной картины мира – он лишь фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире» [5: 32-33] и что язык, таким образом, представляет собой среду, которая обеспечивает взаимодействие человека с миром. Мы же придерживаемся мнения, что все социальные, культурные и другие контакты осуществляются при посредстве языка, и вне его контакты между людьми просто невозможны. Поэтому мы, вслед за Э.Косериу, полагаем, что взаимодействия в сфере культуры, экономики и т.п. не обязательно оказывают влияние на язык, а являются благоприятными условиями, фоном, для принятия различных инноваций: «языковые изменения осуществляются обычно в определенных условиях, но они осуществляются не *из-за* этих условий. Языковые факты существуют потому, что говорящие создают их *для чего-то*» [6: 144].

Как правило, с этой точки зрения рассматривают такие явления как, например, использование искаженных слов в Интернет-коммуникации, к которой приковано внимание многих лингвистов. Однако эта коммуникация является искусственной, в то время как нам бы хотелось бы обратить внимание на процессы, происходящие в естественных языках. И преобразования в современных языках за пределами Интернета представляются гораздо в большей степени связанными с деятельностью людей и поэтому более значимыми.

Одной из форм осуществления языкового взаимодействия, «посредством которого происходит частичное взаимопроникновение языковых систем, являются национальные варианты языка» [10: 8]. Способность языков к образованию национальных вариантов является несомненной: для лингвиста «варьирование языковых единиц в процессах речевой деятельности есть ... нормальный способ существования языка и одновременно основа и микромир последующих исторических макроизменений, по которым и ведется отсчет развития языка» [4: 260].

В качестве примера рассмотрим особенности взаимодействия русского и украинского языков. Сегодня все более заметными становятся последствия этого взаимодействия: 1) развитие так называемого суржика и 2) формирование вариантной формы русского языка (по аналогии с вариантами английского, немецкого, французского и других языков).

Оба явления представляются закономерными и неизбежными, поскольку всегда соседство двух языков, а тем более близкородственных, обуславливает интеграцию этих языков и, как следствие, приводит к различным типам интерференции.

А.Н. Рудяков отмечает, что необходимо «переосмыслить наше отношение к такому интереснейшему явлению как «суржик» ... Я призываю изучать это интереснейшее для языковеда явление. Я призываю разграничить те явления в суржике, которые обусловлены малограмотностью, и те явления, которые обусловлены возможностью для носителя двух языков выбирать самые удачные номинации, самые комфортные способы выражения грамматических значений... Если в речи 48 или 49 миллионов человек проявляется постоянная черта, то ее легче всего назвать ошибкой и порчей, но будет ли это ошибка и порча?» [9: 8]. Прежде всего А.Н. Рудяков предлагает найти новое название для этой формы языка, чтобы убрать негативную оценку.

Как представляется, возникновение суржика обусловлено влиянием русского языка на украинский, поскольку в нем наблюдается использование русских слов в грамматических формах и в фонетическом оформлении по законам украинского языка: *він тебе жде, ми гордимся*. Формирование варианта русского языка, напротив, обусловлено проникновением украинской лексики и грамматики в русский язык.

Таким образом, на первом этапе варьирования языка происходит интерференция, смешение норм разных языков, затем формируется некоторый промежуточный подъязык (например, народная латынь, украинский суржик, белорусская трасянка), который, собственно, выступает уже как койне, т.е. «функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» [2: 230]. Для формирования подобной разновидности языка требуются условия ситуативно ограниченных контактов носителей языка-источника с

носителями другого или других языков. Как представляется, именно такая ситуация сложилась в Украине и в ряде других стран, в которых русский язык продолжает функционировать наравне с другими языками.

Русский язык в Украине значительно видоизменился в последние годы. Примеры этих изменений достаточно многочисленны: *Верховная Рада* (в этом наименовании одно слово изначально было русским, а другое украинским), *регионал* (представитель партии регионов), *бютовец* (представитель блока БЮТ), *голова* городского совета (вместо председатель), *майдан*, *громада* (в значении общественность), *оранжевый* (указывает на отнесенность к определенной политической группировке), *сам* (в значении один), *баиштан*, *блукать*, *господарь*, *додаток*, *занадто*, *вышиванка*, *ненька* и др. Многие лингвисты оценивают такую вариативность языка негативно, подразумевая, что это есть искажение нормы. Однако развитие языка всегда сопряжено с расширением возможностей языковой системы, что обеспечивается, прежде всего, варьированием и ненормативным использованием языковых средств в речи отдельных носителей языка. Так, несомненно, что все тропы являются нарушением норм употребления языковых единиц, также как и окказионализмы. Поэтому, с нашей точки зрения, вопрос должен формулироваться по-другому: насколько распространены те или иные особенности употребления языковых единиц. Если, к примеру, слово *буряк* известно и используется в речи всем населением Украины, то его вряд ли можно считать диалектизмом в Украине (хотя, несомненно, в российском варианте русского языка это слово по-прежнему будет рассматриваться как диалектизм).

Подобная вариативность свойственна русскому языку и в других странах. Так, в Беларуси изменения коснулись как лексической системы (*люстра* вместо *зеркало*, *час* вместо *время*, *неделя* вместо *воскресенье*), так и грамматической (*два мешки картошки*; *я моложе за сестру на пять лет*). Значительно расширились границы лексической системы русского языка в Казахстане. Помимо того, что происходит переименование в области топонимики (*Алма-Ата* стала называться *Алматы*, *Кокчетав* – *Кокшетау*, *Чимкент* – *Шимкент*), в активный словарный запас носителей русского языка в Казахстане, по свидетельству Е.А. Журавлевой, вошло множество слов, связанных с национальной спецификой страны: наименования людей (*аксакал*, *батыр*, *ага*), названия народных обрядов и традиций (*шашу*, *бата*, *хадж*, *саадака*), одежды и предметов обихода (*чапан*, *борик*, *дастархан*, *кесе*, *казан*), реалий творческой деятельности (*акын*, *кюй*, *кобыз*, *терме*, *макал*), еды (*бесбармак*, *жанбас*, *шельпек*, *каймак*) [3: 24-26]. Эти же процессы наблюдаются и в других странах (Латвии, Литве).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, приведенные факты частного случая языкового взаимодействия подтверждают тезис о том, «что гонка языков за выживание в разгаре. И чем более интернациональным будет отдельный национальный язык, чем больше он впитает в себя оптимальных способов выражения смысла, тем выше его шансы на продолжение функционирования в нашем будущем...» [9: 9].

Во-вторых, поскольку «*Цивилизационные центры всегда отличаются этнической поликультурностью*» [8: 37], для любого из современных языков естественно стремление к наиболее широкому взаимодействию с остальными, чтобы в наибольшей степени отвечать интересам новых, наднациональных, образований в социуме и таким образом расширять сферу своего функционирования и влияния.

В-третьих, изменчивость и вариативность языков на современном этапе должны рассматриваться с точки зрения функциональной обусловленности и прагматической целенаправленности этих процессов, то есть в связи с человеком и его коммуникативной деятельностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 224с.
2. Виноградов В.А. Койне // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 230.
3. Журавлева Е.А. Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: Автореф. дис. ... доктора филол. наук / казахский национальный университет им. аль-Фараби. – Алматы, 2007. – 49 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: КомКнига, 2006. – 128 с.

6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
7. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 312 с.
8. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – 3-е изд. испр. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 176 с.
9. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2007. – № 110, т. 1. – С. 7-9.
10. Рудяков А.Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2008. – № 142, т. 1. – С. 7-8.
11. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В.Ю. Михальченко). – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Дорощев – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.Вернадского.

Научные интересы: проблемы теории и истории языкознания, функциональное описание языка.

МОВА СУЧАСНОЇ ПРЕСИ ТА ІНШОМОВНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ

Галина ЄВСЄЄВА, Поліна МИШУРЕНКО (Дніпропетровськ, Україна)

У статті аналізується вживання численних іношомовних слів у мові української преси сьогодення. Приділено увагу лексичній варіантності, оскільки у мовленнєвій діяльності суспільства активізується використання іношомовних запозичень там, де рідна мова має свої слова для виразу відповідних понять.

Ключові слова: лексичні запозичення, зміна значень, семантичні групи, похідні утворення, лексична варіантність.

In this article the using of numerous foreign words in the nowadays language of Ukrainian press is analyzed. The attention to lexical varieties is paid as in speech action of the society the using of borrowings from foreign languages is activated in the spheres where native language has its own words for expressing the appropriate concepts.

Key words: lexical borrowings, change of borrowings, semantic group, derivatives, lexical parallelism.

Постановка проблеми у загальному вигляді. Інтеграційні процеси, стрімкий розвиток науки і техніки сприяють інтенсивному поповненню української мови іношомовними словами зі всіх сфер життєдіяльності суспільства. Комунікативні потреби сучасного суспільства помітно зростають. Мовні контакти є одним з найважливіших факторів, що впливають на зміни мови, які виявляються насамперед у лексиці.

У новітню добу українська літературна мова зазнає відчутного оновлення словникового складу, особливо в соціально-економічній, мистецькій та навчально-освітній сферах. Значно активізувався процес запозичення слів і зворотів з інших мов у мовленнєвій діяльності мовців незалежно від їх методологічних орієнтацій. Через засоби масової інформації (пресу, радіо, телебачення) журналісти вносять у повсякденне мовлення величезну кількість іношомовних слів, вибирають ті варіанти мовленнєвих одиниць, які придатні для досягнення певних прагматичних цілей, зокрема, щоб показати свою освіченість, начитаність, викликати повагу.

У зв'язку з цим сьогодні спостерігається поживлення наукового інтересу до вивчення лексичних запозичень в українській мовознавчій науці. Досить побіжно переглянути спеціалізовані наукові видання [1;2;3;4;6]. Виникає необхідність вивчати численні лексичні запозичення з інших мов, щоб дати необхідний матеріал для узагальнень про певні тенденції у розвитку мови.

Мета статті проаналізувати лексику загального вжитку, зафіксовану на сторінках українських газет останнього десятиліття, але тільки ту, що не відображена в „Словнику української мови” [5], або відома здавна, та сьогодні зазнала семантичних змін.

Оскільки словниковий склад мови виявляє зв'язок з виробничою та інтелектуальною діяльністю людей, відбиває зміни в суспільно-політичному й науково-культурному житті народу, важливо простежити, чи відбувається збагачення лексики через використання вже відомих українській мові іношомовних слів з новим, досі незвичним для неї значенням.

Сьогодні помітне активне вживання відомих раніше в українській мові запозичених слів, що є центром соціально-політичного лексикону.

Слово *інтервенція* (як і похідне *інтервент*) давно вживається із значенням „насильне збройне втручання однієї або кількох держав у внутрішні справи іншої держави” (СУМ, т.4,